DK3
P3
v.22

STANFORD
LIBRARIES

ПАМЯТНИКИ

ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ

1882

Digitized by Google

DK3
P3
v.22

STANFORD
LIBRARIES

ПАМЯТНИКИ

ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ

1882

Digitized by Google

Апостола Зена (1668—1750), *Сципіона Маффеи* (1675—1755) и *Петра Метастазіо* (1698—1782).

А. Глегевичу пришлось жить сначала въ ту эпоху, когда ему современная литературная Италія раздѣлилась на два лагеря: одинъ предпочиталъ стиль и вкусъ Cavalier Marino стилю и вкусу Петрарки, другой предпочиталъ стиль и вкусъ послѣдняго первому. Первый лагерь преобладалъ: извѣстный современникъ А. Глегевича, итальянскій историкъ Людовикъ-Антонъ Муратори могъ насчитать въ цѣломъ XVII столѣтіи лишь нѣсколько поэтовъ, державшихся стиля и вкуса Петрарки, какъ напр.: *Гавріилъ Кьябрера* (1552—1637), подражавшій греческимъ лирикамъ и въ особенности Пиндару, графъ *Фульвіо Тести* (1593—1646), подражавшій Горацію и латинскимъ лирикамъ, сенаторъ *Винченцо Филикая* (1642—1707), *Карлъ-Марія Маджи* († 1699) и нѣсколько другихъ. Во второй половинѣ XVII вѣка, съ 1675 года, въ итальянской литературѣ усиливается развитіе критики, которое въ концѣ концовъ одержало побѣду надъ школою дурнаго литературнаго вкуса *маринистовъ*. Въ этотъ же періодъ сдѣлала значительный шагъ впередъ итальянская драма: драма «Мегоре» Сципіона Маффеи признана всѣми достойною театровъ итальянскаго, французскаго и англійскаго. Естественно, это должно было отозваться на чуткомъ ко всему итальянскому Дубровникѣ, который и далъ трехъ поэтовъ, работавшихъ въ духѣ потребностей современнаго имъ вѣка: Шишка Ивана Гундулича, Ивана-Шишка Гундулича и наконецъ Антона Марина Глегевича, который заканчиваетъ собою дубровницкую драму.

Живя въ пору борьбы двухъ литературныхъ направленій въ Италіи, А. Глегевичъ подчинялся вліянію обоихъ. Подъ вліяніемъ *маринистовъ* А. Глегевичъ, нисколько не стѣсняясь, въ своихъ драмахъ первой половины своей литературной дѣятельности влагаетъ въ уста своихъ дѣйствующихъ лицъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, нескромныя рѣчи. Правда, эти рѣчи не лишены реальнаго отношенія къ совре-

Digitized by Google

менному ему дубровницкому обществу, но можно было бы высказать то же самое въ другой формѣ, болѣе скромной и болѣе назидательной, чѣмъ какую онъ принялъ, вслѣдствіе господствовавшаго въ Италіи вкуса маринистовъ.

При извѣстной наклонности къ этому направленію въ первый періодъ своего развитія, А. Глегевичъ въ тоже время не отказался отъ вкуса Петрарки, или вѣрнѣе будетъ —предпочелъ его во второй періодъ своего развитія: его можно считать послѣдователемъ Петрарки.

Кромѣ того, современная А. Глегевичу Италія страдала анахронизмомъ — (псевдоклассической) академіей «Arcadia», программой коей было возсозданіе въ Италіи всего классическаго (греческаго) міра съ его понятіями, нравами и образомъ жизни, и тѣмъ удалить дурной вкусъ, внесенный въ литературу маринистами. И эта болѣзнь Италіи отозвалась на А. Глегевичѣ и его предшественникахъ, хотя, правда, не въ особенно сильной степени.

Большую заслугу дубровницкой драмѣ оказалъ А. Глегевичъ со стороны возвышенія внутренняго ея достоинства. Правда, онъ не достигъ здѣсь полнаго совершенства; но важно уже одно его стремленіе: онъ старался дать въ своей драмѣ *преимущество дѣйствію передъ діалогомъ*, къ чему также стремился и Шишко Гундуличъ въ своей драмѣ «Сунчаница». Драма же тогда и бываетъ интересною, когда сюжетъ ся развивается въ *дѣйствіи*, а не излагается въ утомительномъ *діалогѣ* одного лица, которое замѣняетъ собою лицо дѣйствующее и дѣйствіе послѣдняго. Только въ такой драмѣ, гдѣ сюжетъ развивается въ *дѣйствіи*, могутъ быть выражены характеры. Ничего подобнаго нѣтъ въ драмахъ предшественниковъ Глегевича—Юнія Пальмотича и Ивана Гундулича. Совсѣмъ не то видимъ въ драмахъ нашего поэта.

Полныя доказательства всего вышесказаннаго можно найти въ подробномъ разборѣ драмъ изслѣдуемаго поэта, привесть которыя въ данномъ случаѣ не дозволяетъ рамка реферата.

Digitized by Google

Здѣсь я только считаю нужнымъ привесть установленный мною хронологическій перечень его произведеній, это:

1. Ermiona,
2. Damira,
3. Olimpia osvieciena,
4. Anton Ghleghievich G. Niku Giorgi,
5. U smart Vlaha Stelle, 1696 god.
6. Kasce, da je gliuski scivot kratak, da ie niscto sve,
7. Priciza od tikve i bora,
8. Selimir i Radmio,
9. Glasa pobjedovanje,
10. Porodjenje Gospodinovo,
11. Zorrislava и
12. Belizario.

Да затѣмъ сдѣлаю образчикъ обрисовки характера у Глегевича. Беру характеръ Дамиры, героини драмы того же имени.

Оскорбленная Дамира обречена ея вѣроломнымъ и жестокимъ мужемъ на смерть, въ которой она нашла бы конецъ своему страданію; но судьба спасла ее и продолжила ея мучительное страданіе. Очутившись среди убогой хижины вмѣсто роскошнаго дворца, она, вспоминая свое прошлое, съ грустью произноситъ слѣдующія слова:

«Cestita sam ja kragliza
U bogastvu svakom bila;
Sad priprosta pastieriza
Ubosctvo sam prigarlila (etc.)
Gdi je liepo bitie moje?
Gdi su moje casti i slave?
Sad mi uscivat sudieno ie
Pustosc ove od dubrave».

(Dam., I, 1)

Коснувшись затѣмъ того, что ея мужъ Креонтъ обрекъ ее на смерть, она, спасенная судьбою, съ нѣкоторою гордостью такъ заключаетъ свой монологъ:

Digitized by Google

«Proch vogli chiu tvoi scivieti!
Nu Damira ne kragliza,
Negh Fidalba sa suegh mrieti,
Potisctena pastiriza».

(ib.)

Уже этими словами она показала свое намѣреніе не дать себя въ полную обиду: «Живу я, ты не можешь вполнѣ насладиться твоею возлюбленною, не можешь сдѣлать ее законной женой!» [1])

Находясь въ убогой хижинѣ крестьянина Силлы, она знала, что находится въ державѣ своей и своего оставившаго ее мужа, и потому въ крайнемъ случаѣ готова была обнаружить свое существованіе. Такою мыслію жила Дамира. Выполненію ея намѣренія не замедлилъ представиться случай. Мужъ ея, Креонтъ, въ одинъ прекрасный день забрелъ въ ту же хижину, гдѣ и она пребывала, и за радушный его пріемъ хозяевами выразилъ свое монаршее желаніе видѣть ихъ, вмѣстѣ съ ихъ дочерью (т.-е. Дамирою-Фидальбою) въ своемъ дворцѣ. Прибытіе ихъ совпало съ приготовленіемъ Креонта къ вѣнчанію своей блудницы Филлиды королевою. Пришедшая во дворецъ подъ именемъ Фидальбы Дамира, естественно, должна была возгорѣть местью къ своему измѣннику и нарушителю закона Креонту и своей соперницѣ; она горитъ местью, но, однако, не воплощеніе мести: среди тяжелаго страданія она готова помириться съ своей судьбой; при приближеніи къ

---

[1]) А. Глегевичъ указалъ на египетскій законъ, который не дозволяетъ имѣть двухъ женъ:

«Ustavi se i na stranu
Uklonise bes osira,
Ne, ne kraglju, negh slotvore!
Od Egipta sakon ki je,
Da darscati smije i more
Iedan cioviek scene dvije?

(Dam. II 8).

Говоритъ Дамира Креонту.

Digitized by Google

королевскому дворцу, еще не зная о послѣднемъ намѣреніи своего мужа, она, между прочимъ, говоритъ:

«Jaoh, ovo ie dvor cestiti:
Gdi kraglievske imah srechie,
Sad chie miesto placno biti
Moga vaia, moie smechie;
Slava i dika moia gdi ie?
Fillide ie bludna otima!
Niie drugo, — trieba mi ie
Poklonit se udesima:
Scto pristoglie kraglievsko ie?
Dar od srechie — drugo nije;
S' privratami vasda stoie
Kolak gniega poghibije.
Tko ie vechie varh visine,
Tko se u vechioi vidi vlasti,
Vele nisce sred dubine
Svegh se nada, da chie pasti».
(Dam. I, 15)

Она готова допустить свое страданіе, но не оставить свою честь и силу закона:

«Ah, prihude moie cesti!
Scto mi ie silla podnositi?
Cini scto hoch, nech smesti:
Ia chiu ista vasda biti».
(Ib. I, 16)

Но, вотъ, проводникъ ея въ королевскихъ залахъ Нерилло указываетъ картину, представляющую ея смерть въ волнахъ рѣки Нила; видъ этотъ раздражаетъ ее и она съ гнѣвомъ говоритъ про себя:

«Ah, slotvora huda i prika!
Ier ie moiu smart scelio,
Da me proscdre plaha rika».
(II, 5)

Digitized by Google

и затѣмъ прибавляетъ: напрасно!

(Lasno se ie prevario!)

(Ib.).

Затѣмъ, тотъ же Нерилло извѣщаетъ ее, что онъ (Нерилло) всегда съ печалью вспоминаетъ о своей королевѣ (Дамирѣ), между тѣмъ какъ самъ король

Gnie smart igda ne spomene,
Negh veseo dni boravi
Kod Fillide sve gliubiene:
Jer stravien, s' gnie umira;
Segai dana stavno odluci
Us veseglie liepa pira
Da s' gnie desnom svoiu sluci».

(Dam. II, 5)

Вѣсть эта такъ взволновала ее, что она немедленно потребовала отвести ее къ самому королю для открытія нѣкихъ особенно важныхъ дѣлъ. Является она къ Креонту—и что же видитъ? Ея мужъ Креонтъ объясняется въ любви блудницѣ и беретъ ее (законную жену) въ свидѣтели своего обѣщанія:

«Sviedok ona [1]), ma gliubiena,
Bitchie moie liepe cesti».

(II, 8)

Это положительно ставитъ Дамиру на путь мщенія:

(Negh) pakgliena bitchiu siena
Sa veseglie tvoie smesti
Bogh gliuveni . . . . . .
. . . . sarze tve sparscio,
Da osvetit bude mene».

(Ibid.)

---

[1]) Т.-е. Дамира.

Digitized by Google

Дамира находится подъ вліяніемъ мести, но еще на степени умѣренной. Съ развитіемъ сюжета возрастаетъ и ея месть: когда Креонтъ готовъ уже дать свою руку Филлидѣ, какъ залогъ супружеской связи, Дамира принимаетъ грозный видъ:

«Ustavi se i na stranu
Ukloni se bes osira,
Ne, ne kragliu, negh slotvore!
Od Egipta sakon ki ie,
Da darscati smiie i more
Jedan cioviek scene dviie

(II, 8)

Когда это не останавливаетъ ихъ, она еще съ большей энергіей произноситъ:

«Ustavtese, scto cinite? (etc.)
Ako bude tva Vedrina
S' gniom desniza sadrusciti
Trieskovi chie s'gar visina
Svi se na te oboriti.

(Ibid.)

и наконецъ объявляетъ, что Дамира жива. Ее заподозрѣваютъ въ умопомѣшательствѣ; а она, покамѣсть, можетъ имъ отвѣтить лишь слѣдующее:

Nu se smiât meni boglie,
Kad me sada ne sluscate;
Smiachiu se ia do voglie,
A vij pod smeh moi igrate.

(Ibid.)

Она говоритъ все это подъ вліяніемъ силы закона, мести къ соперницѣ и своей любви къ Креонту. Но затѣмъ ея любовь къ своему мужу беретъ перевѣсъ, она страдаетъ любовью къ нему:

Digitized by Google

Plemeniti moj pokoiu!
Dragh scivotu, sceglio moia!
Kad chiu uscivat liepos tvoiu
Sred rasbluda, sred pokoia?
Ko Teseo mosc veseo
Sam bes mene bit varh Nila;
Bes tebe chiu, jaoh, umrieti!
Ne mori me, vech, ne mori!
(Dam. II, 14)

Она уже не можетъ желать ему зла; но своей сопернице она рѣшается во что-бы то ни стало отмстить:

Damira, osvietise!
Gdi hrabrena tva su diela?
Od bludnize osvietise,
Ka ti kraglia ies otiela!
Tvoia sargba pravedna ie!
Scto odluci, nemoi sknieti:
Sliedi, sliedi gnie stupaie,
Da ioi budesc smart donieti;
Ne sa drugo sahraniena
Uredbenoi bih po vlasti,
Negh bludniza neka strena
Prid me noghe bude pasti;
Ona bludnom svom lieposti
Poras donie momu bichiu;
Sa gnie plame me scialosti
Sred gnie karvi utopichiu;
Kad se ne bih osvetila
Od gnie svakom po raslogu,
Podpuno bih ia sabila,
Tko sam bila, tko bit mogu?!»
(Dam., II, 13)

Правота ея дѣла настолько увѣряетъ ее въ достиженіи ею своей цѣли, что она смѣхомъ проводитъ неудавшуюся связь Филлиды съ ея мужемъ Креонтомъ:

Digitized by Google

Ha, ha, ha, ha, smieh ovaki
Sad vij oba naucite;
Ha, ha, ha, ha, smi se svaki;
Illi od mene vech biescite.
(Dam. II, 14)

Подобный смѣхъ ея вполнѣ естественъ: такъ какъ она уже была близко окончательнаго рѣшенія расправиться съ своей соперницей разъ на всегда; среди раздумья, она случайно подходитъ къ кинжалу:

Onijeh srechia vechie krati,
Kij bes sviesti dni borave,
Ciuva, brani, sliedi i prati
I sipglie im ciasti i slave;
Nu me sarze i odluke
Sa skarsciti uprav vechie
Svak cas tesce is sve ruke
Na me dascdi trudi i smechie;
Nu varh sarza tuscna moga,
Sa satart ga uprav vechie,
Svak cas krila is svoga
Dascdi vaie, trude i smechie;
Moij usdasi, moi zvil gliuti,
Moia boles neisrecena,
Iosc na milos, jaoh, ganuti
Nemogu ia, er ie scena;
Saman s'mnogom mom bolesti
Hinim, da svies ma sahodi;
Ona onoga tece sresti,
Bes sviesti se koij rodi:
Sa bit srechian, potrebno ie
Nesviesnu se poroditi;
Ier s' mudriem gnoi trudno ie
I obchiti i drusciti.
Nu, scto se ovo meni kasce?
Guosdie! koie smarti prieti!
Niesam mogla stvari drasce
Ni sceglieti, ni vidieti:

Digitized by Google

Guosdie drago, guosdie milo!
Nebeska ie koia sila,
Da Fillidi proghiem krilo,
Me stupaie na te isnila?
O nesviesti, poghi od mene!
A vij sargbe oghgnenite
Moie sceglie uvrediene
Na osvete probudite!
Sarze u plam se moie stvorij
I odsvud sargbom sdrasceno ie,
Da bludnizu hudu oborij.
Stvorij u plam se sarze moie!
(Dam. III, 9).

Вооружившись кинжаломъ, она идетъ дальше и находитъ переодѣтаго въ платье Филлиды Ниграна и готова убить его; но въ ту самую минуту является Креонтъ и удерживаетъ ее. Дамира очутилась въ опасности пострадать отъ гнѣва оставившаго ее мужа, и, желая помочь самой себѣ въ эту опасную минуту, открываетъ свою личность и вступаетъ въ трагическій моментъ; съ кинжаломъ въ рукѣ она говоритъ гнѣвному мужу:

«Ako marsisc iosc na mene,
Ako slika ma te smeta,
Zichia iedne bludne scene,
Ti sam svarsci moia lieta!
Evo t' ovo guosdia istoga,
S' kim bludnizu ktieh start priku!
S' gnim sred sarza smarsi ovoga
Moiu gliubav — tvoiu sliku!
U ghgnivu se sad rasgori,
Da ti ruka iakos stece:
Scto, uech, karsmasc? iaoh, otvori
Put moi dusci; neka utece!
(Dam. III, 16).

Digitized by Google

Это такъ подѣйствовало на Креонта, что онъ немедля возвращаетъ Дамирѣ свою любовь.

Поклонникъ итальянской литературы и итальянскаго направленія въ первомъ періодѣ своей литературной дѣятельности, А. Глегевичъ съ теченіемъ времени во вторую половину своей литературной дѣятельности принимаетъ славянское направленіе, является истолкователемъ и защитникомъ славянскихъ интересовъ. Въ драмѣ «Zorrislava», онъ выставилъ на видъ необходимость объединенія славянъ Босніи, Герцеговины и Далмаціи подъ одною властью; въ неоконченной драмѣ «Belizario» онъ имѣлъ въ виду представить своимъ согражданамъ, какую великую услугу въ дѣлѣ изгнанія готовъ изъ Италіи оказали славяне той Италіи, отъ которой они (дубровничане) заимствовали всю свою культуру. И наконецъ, въ «Побѣдномъ голосѣ» Glasa pobjedovanje), по формѣ напоминающемъ «Il trionfo della fama» итальянскаго поэта Петрарки, онъ вопреки Петраркѣ, причислившему въ своемъ «Il trionfo della fama» славянскихъ героевъ къ римскимъ или греческимъ, съ гордостію возвращаетъ ихъ въ лоно славянское.

Въ этой перемѣнѣ направленія Глегевича нельзя неусматривать отголоска современнаго ему политическаго положенія славянскаго міра.

Дѣятельность русскаго преобразователя Петра I Великаго, посѣщеніе имъ западной Европы, приглашеніе имъ въ старую Русь людей знающихъ, въ числѣ коихъ бывали дубровничане и другіе южные славяне, удачныя войны его съ шведами и турками, доставившія великому русскому преобразователю славу въ цѣлой Европѣ, разъяснили дубровницкому правительству положеніе славянства и подали надежду на улучшеніе быта падающаго подъ гнетомъ ислама и венеціанской республики славянскаго народа. Дубровничанамъ могъ быть извѣстенъ и планъ русскаго преобразователя относительно переустройства тогдашняго славянства. Состоявшій на русской

Digitized by Google

службѣ сербъ Михаилъ Милорадовичъ, по волѣ Петра I Великаго, написалъ захолмскому (герцеговинскому) митрополиту Савватію, имѣвшему свою резиденцію въ городѣ Требиньѣ (отстоящемъ отъ города Дубровника на пять часовъ ходьбы, особо посланіе, въ которомъ совѣтуетъ ему поднять возстаніе противъ турокъ; за что въ награду обѣщаетъ, именемъ Петра I, возвратить ему дома и магазины въ Требиньѣ и дома въ селѣ Придворцахъ, занятые туркомъ Мустафъ-агою Чатовичемъ. Приводимъ здѣсь это посланіе теперь впервые издаваемое:

Божіею Милостіею Благочестивѣйшаго Самодрьжавнѣишаго вѣликаго Господара нашего Цара и прьвѣйшаго христіанска же Императора и монархи россискаго и прочимъ и прочимъ и прочимъ повелителя и вѣликаго кнеза Петра Алеѯіевича

Пресвѣтлаго Его Царскаго вѣличанствіа wслѹгователи посланикъ Азь Михаиль Милорадовичь вѣлики пльковник ѡт Его Царскаго пресвѣтлаго величанствіа христіанскихъ войскь.

Понеже ва знаніе творѹ ва нинѧшнал и потлѣшнаа времена всакомѹ благочестивомѹ господарѹ и wбладателю и прочимъ въ семъ иже бѹдѹть владати и господствовати въ земли срьбсцеи и босанскои и въ захлмскиχ странаχ. Како wт пресвѣтлаго Его Царскаго вѣличанствіа мѵ послани есми въ здешніе страни захлмискіе и въ васѹ херцеговинѹ и арбанію къ благочестивимъ христіанѡмъ, еже ѥвит им Царскаго вѣличанствіа благоизволеніе и намереніе и еже вѹзбѹнити къ wпльченію противь врага Креста Христова. Темже аще прещедри господь дасть и победимо враги наше и сѹпостате и въ свободѹ придѹть племена христіанскаа съ всакимъ ѹтврьжденіемъ и своерѹчнимь и печатним подписѡмь пожалѹю и wдаряемо прѣсвѧщенномѹ митрополитѹ захлмискомѹ, котори иесть ѿ монастира Требиња кѵ Саватію и его таиникѹ и съветникѹ ѥарχѹ Стефанѹ ермонахѹ такожде постриженикѹ и жителю монастира на реце требинскои, иже есть ѹспеніе прѣстіе богородице надаемо и утврьждѹемо имь, ꙗко цр҃ковнимь пастиремь въ градѹ у требинѣ кѹће и дѹ҃ане тѹрчина

Digitized by Google

мѵстафаге ћатовиħа, такоħер и вѣ селѵ придворцим кѵħе истога реченаго тѵрчина ћатовиħа и млине и баџиине и винограде све и ливаде и сва его добра, џо є имаш и дрежаш ѵ трєбиню и ѵ прочих странах вѣсе даємо митрополитѵ і его іεрархѵ Стефанѵ, котори есть достоинь и болша помилованїа, понеже вѣлїю верѵ и слѵжбѵ кѣ Его Царскомѵ пресветломѵ нинѣ приказаль есть. Паки же глаголємь, аџе џцѵ митрополитѵ скоро дондеть сѣмрть речене кѵħе и землѣ вѣсе да бѵдѵть под монастирь Успенски нарицаеми трєбинье за часть џцѵ архимандритѵ. Темже молю и глаголю, како да никтоже не имать прекловити [1]) сих наших граматах ни вѣ сїе ни вѣ последне време. Писахмо сїю грамотѵ вѣ всакое ѵтврьжєєніе и вадаємо є Стефанѵ іер любибратичѵ лѣта христа бога нашего ҂а҃ѱа҃і мца іюніа вѣ г҃.

ПЕЧАТЬ.

Слѵга Его Царскаго величанства
м Михаилѣ Милорадовиħѣ
велики полковникѣ.

(по рукописи, хранящейся въ герцеговинскомъ монастырѣ, называемомъ «Саввина»).

Намъ неизвѣстно, чѣмъ вся эта исторія кончилась; но имѣемъ данныя, свидѣтельствующія о значительной популярности Петра I Великаго въ мѣстности сосѣдней съ г. Дубровникомъ. Въ сербскомъ православномъ монастырѣ «Саввина», что близь Ерцего-Новаго (Кастель-Ново) и «Дубровника находится портретъ Петра I Великаго (представляющій его въ молодомъ возрастѣ). съ подписью: «Госѵдарѣ Царѣ и великий кнѧзѣ Алεѯѣевичѣ Всем Великим и малим и бѣлим Росии

[1]) Sic.

Digitized by Google

повелитель». Несомнѣнно, портретъ этотъ занесенъ сюда въ эпоху славныхъ дѣлъ славянскаго преобразователя. Въ томъ же монастырѣ хранится нѣсколько богослужебныхъ книгъ, русскаго изданія, времени Петра I, и въ числѣ ихъ: «Слѹжба благодарственнам Бгѹ въ трцѣ стой славимомъ о великой Бгомъ дарованной побѣдѣ на свѣйскимъ королемъ кароломъ вї и воинствомъ его, содѣминой подъ полтавою, въ лѣтѡ ,аѱѳ. мца їѹнїа въ кз̃ день». Въ ней полагавшіе надежду на Русь южные славяне пѣли, напр. слѣдующій тропарь: „Препрославленъ еси Господи Бже ншъ, даровавый крѣпость на враги благовѣрномѹ црю ншемѹ Петрѹ, ꙗко же Двдѹ на прегордаго голіѳа, осѣнилъ еси над главою его въ днь брани, препомсалъ еси немощным силою свыше, и тѣми всю дерзость вражію низложилъ еси, многомилостиве, слава тебѣ;“ *) или, напр., слѣдующую стихиру: „Врагъ Крта стаго, лжехрістїанн и бжественны икѡборецъ и посмѣмтѣ, силою Крта стаго побѣжденъ бысть и порѹга, и не надѣмсм на милость и помощь Всесйнаго, его же чс въ їкона повреди къ ненавистнико имене Хрстова махометано и скиѳа побѣже, крстоносный же црь православный Рωссійскій сты їконъ поборникъ побѣдителю пѣснь Богѹ воспѣваѩй да цртвѹетъ и торжествѹетъ во вѣки **)“. Этимъ вѣрнымъ и надежнымъ путемъ утверждалась надежда угнетенныхъ южныхъ славянъ на ихъ освобожденіе отъ чужеземнаго гнета силою Великаго Русскаго Царя, съ которымъ, естественно, соединялась мысль и о новой роли славянства въ мірѣ. Дубровникъ, единственный представитель просвѣщенія между южнымъ славянствомъ не приминулъ развивать этотъ новый вопросъ и въ литературѣ. А. Глегевичъ нашелся въ числѣ другихъ своихъ современниковъ и соотечественниковъ, касавшихся этого вопроса. Его соотечественники составляли оды нашему Петру I Великому. Такъ, дубровницкій фратеръ Степанъ Русичъ составилъ 1717 г. похваль-

*) Стр. г̃.

**) На литіи стихиры, гласъ А

Digitized by Google

ную оду, подъ заглавіемъ «Petar Alechssiovich, alliti Petnes slamegna, diella i cesti Petra parvoga, Zarra, Samodarsgza Russinskoga», которая дышетъ полнымъ уваженіемъ къ великому русскому преобразователю, какъ посланному самимъ небомъ и напередъ предсказанному священнымъ писаніемъ. Въ имени Петра Алексѣевича, въ суммѣ чиселъ буквъ, изъ коихъ оно слагается, онъ усматриваетъ это его таинственное значеніе, что̀ и излагаетъ въ своемъ посвященіи Петру I. Вотъ, что, между прочимъ, онъ пишетъ въ этомъ посвященіи: «Если гдѣ, такъ именно въ твоемъ, о высокій Царь, многоуважаемомъ названіи имя соотвѣтствуетъ натурѣ (naravi), что мы вполѣ видимъ; по греческому прекрасному и правому языку «Петръ Алексѣевичъ» значитъ, что твое Величество камень, твердая стѣна отражающая самыхъ сильныхъ противниковъ, побѣждаетъ самыхъ сильныхъ королей и служитъ неодолимою обороною и непобѣдимымъ щитомъ неисчислимымъ твоимъ королевствамъ и всему твоему Сѣверному Русскому Царству. Но въ тоже время, это твое прекрасное имя содержитъ не менѣе чудныя знаменія въ числѣ, изъ коего оно сложено. Я изъ числоваго соединенія и соотвѣтствія постараюсь обнародовать то, что относится къ твоей крѣпости, достоинству и всей твоей прошедшей и будущей дѣятельности, стараясь такимъ образомъ показать, что примѣры твоего счастья и великая твоя слава, *которой теперь весь свѣтъ удивляется (со страхомъ) и восхваляетъ ее до небесъ* [19]) еще въ твоемъ родѣ, въ твоемъ

---

[19]) Французскій поэтъ М. Ф. А. Вольтеръ (1694—1778) написалъ исторію Петра I Великаго, въ которой по достоинству хвалитъ русскаго преобразователя. Въ журналѣ издаваемомъ Апостоломъ Зеномъ и Маффеи, Русичъ, Глегевичъ и другіе ихъ современники—соотечественники могли прочесть про Петра I слѣдующую интересную замѣтку: «In Moscà, ed in altre parti dell'Imperio Moscovitico non mai da vantaggio fiorirono le scienze e le buone arti, come in questi ultimi tempi, non tanto pel benefizio della stampa, che molto più di prima vi si è diffusa, quanto par l'attenzione, anzi per l'esempio del suo medesimo Sovrano Pietro Alessiovitz in og-

Digitized by Google

знаменитомъ имени были счастливо сохранены. Прежде всего, пусть всякому будетъ очевидно, что нѣкая особенная судьба дѣйствовала въ нарѣченіи тебѣ этого имени и что еще въ дѣтствѣ ты былъ принятъ славою, вскормленъ крѣпостью, увеселяемъ побѣдами и нѣжимъ добрымъ счастьемъ.

Итакъ, пусть удостоится твоего царскаго взгляда этотъ мой—не хочу сказать трудъ—приличный твоему невыразимому и сверхъестественному превосходству даръ, который я посвящаю тебѣ съ Адріатическаго моря, изъ дубровницкой области. Итакъ, допусти, чтобы между неисчислимыми похвалами, которые безпрестанно отовсюду оглашаютъ твою царскую корону, и мои пѣсни—дань твоему Величеству были слышаны тобою и милостиво приняты.

Затѣмъ, да дастъ небо тебѣ до вѣковѣчной старости постоянное увеличеніе Царства, счастья и побѣдъ, до тѣхъ поръ пока при свѣтѣ, величіи и знатности твоей славы и могущества *весь свѣтъ будетъ занятъ тобою* и не въ состояніи будетъ онъ дать тебѣ полной хвалы; такъ какъ, вслѣдствіе твоего достоинства и высоты, не находится подъ солнцемъ никого, кто бы восхвалилъ тебя подобающими хвалами, ты найдешь своего прославителя въ самомъ Все-

---

gi regnante. Non e giá, che molto tempo innanzi no n vi sia stata portata l'arte di stampare i libri e che altri de' suoi (Monarchi non abbiano procurato la cultura e la disciplina della loro Corte e del loro Imperio: ma gravi e politiche cause si opposero all' avanzamento di cosi retta intenzione (etc).

Si stampano in Mosca continuamente libri nella lingua del paese. Fra i libri impresi in quella lingua mettiamo in primo luogo la traduzione dei libri spettanti a i cinque ordini di Architettura di Jacopo Barozzi da Vignola, fatta nella sua lingua dallo stesso S. D. Pietro, atampata e ristampata in Mosca l'anno 1708 con 46 figure in rame. La prima editione é in foglio; la seconda in ottavo.—L'anno medesimo e nella medesima lingua ivi pure è stato stampato in bella carta ed in buon carattere un Trattato del modo di render navigabili fiumi, il quale fu prima scritto in italiano e stampato in Roma nel 1685, a fine di restituire a Roma la navigazione del Tevere» (Giornale de' letterati d'Italia t. IV, 1710 годъ, стр. 418—420).

Digitized by Google

вышнемъ, Который, въ награду за сокрушеніе его злодѣевъ и распространеніе правой вѣры, введетъ тебя, цвѣтъ и корону высочайшихъ королей, чудный образецъ силы, власти, разсудительности, правды и счастья, увѣнчаннаго славнымъ неувядающимъ вѣнкомъ въ небесные дворы. Поэтому сердечно молю Владыку Рая, чтобы онъ подтвердилъ мое предсказаніе. (Слѣдуетъ подпись).

Сдѣлавъ затѣмъ, обращеніе къ читателю, въ которомъ изложено таинственное значеніе имени *Петра Алексѣевича* онъ помѣщаетъ слѣдующій акростихъ, выражающій суть «оды» Петру:

Dorod oda slavnieh
Evvo Vites cestiti,
Tvarghia uspieta!
Plannima svuda sviti,
Desi isglede svijeh.

Ah jasna kreposti,
Tiuvenni svim isglede!
Otto kascesc tvoie diedde:
Krunnisc sadosti!
Svesko rasuchie,
Istocna scibika,
Osmanovichiaa usda.
Aisc gniega moch i dika!
Isbauglien *) ti po tebbi;
Ciuchien pod nebbi».

Составитель «оды» Петру, фратеръ Русичъ представляетъ себѣ исполненіе русскимъ народомъ, руководимымъ его Царемъ, великой задачи въ славянскомъ мірѣ и скорбитъ, что кратковременность человѣческой жизни не даетъ ему видѣть воочію выполненія этой задачи:

*) Въ рукописи стоитъ „isb*ua*glien“.

Digitized by Google

«Rusko sunze sini, sini
U vedrinah od Istoka;
Dan da svanne u millini
S' rumenilla tvoga oka.
Alli tko chie menni datti,
Prigisdave tej lieposti
Da usbudem usgivati
I ia opchiene sred radosti?
Da unuka pricestita
Tvoga sarza i imenna
Vidim diella plemenita
Od svakoga pohvagliena?
Ah stotine dvije godina
Scto mi dano nije sgivieti?
I iosc mallo! dragha cina
Vidio bih sve na svieti»;
Sve, sve, velim, vidio bih
U pokoju duha moga:
Er dobiti usgivo bih
Kraglievichia Rossinskoga;
On odreghien na stò slavni,
Ko nam sviesde, ko sibilla,
Ko prorozi vele davni,
Prostretichie svoia krila.
I-u sapadu Rimsko ime
Cim na svacje ghinne occi;
Usletietchie prid svoime
Na cesarstvo od Istocci;
Ugledatchie sviet sve krunne
Prid noghah mu sniscne stati;
I s' slavnosti tai ispunne
Svako miesto samnievati.
Ovo, o Petre, da nu nechie
Cesti sa inno dopastiti
Tvoga unuka, negho er chie
Tvom se slavom posctapiti,

Digitized by Google

Er stupain tvojem hode;
Tvoi um, tvoi sviet i tva dika
Bitchie svake sred prigode
Gniemu sakon i scibika.
Sato piesan ma klikuje,
Cim dosadar gniegga glasi
I radostno spomigniuje,
D a s c i b i k a i s t o c n a s i!

(Pettar Alechs. slam. II — по ркп. францисканской библіотеки въ гор. Дубровникѣ).

И далѣе;

«O visoki slavni Zarre!
Podlosgnieh tebbi u broiu,
Etto, i ia grem sadare
Poklonit ti gliubav moiu».
(ib. sl. 15).

Свою увѣренность, что выполненіе этой задачи наступитъ, онъ основываетъ на стойкости русскаго народа:

«Russku stavnos da slavite,
Stavnos, koia vik ne venne»!
(ib. slam. 3).
(Ciem) ne samo P e t a r slavni,
Negh Petrovo imme u vike
S l o m i t i c h i e p u k i s d a v n i
I s v e s a t a r t p r o t i v n i k e.
(ibid.).

Другой современникъ А. Глегевича *Игнатій Градичъ* (раньше Русича) составилъ 1710 г. похвальную оду Петру I Великому «Plam Sieverski», по случаю его побѣды подъ Полтавою.

Digitized by Google

Изъ предпосланнаго «одѣ» обращенія къ своему соотечественнику Саввѣ Владиславичу, состоявшему на службѣ у Петра I видно, что русскій преобразователь не отказывался пользоваться дружбою Дубровника. Вотъ, что онъ, между прочимъ, писалъ: «Въ современное намъ время и въ Дубровникъ—мой родной городъ прилетѣлъ изъ Сѣвера радостный голосъ о славныхъ дѣлахъ Московскаго царя; я тотчасъ (послѣ полученія этой вѣсти) рѣшился, по мѣрѣ своихъ силъ, огласить въ пѣсни дѣла такого Величества всякой славянской державѣ. Выполнивъ это, какъ только я зналъ лучше, я не остаюсь довольнымъ, при мысли, что эта моя пѣснь никогда не достигнетъ надлежащаго склада, если премилостивое око этого Величества не взглянетъ на него. Но мое желаніе, чтобы она удостоилась такой милости. Я не былъ въ Дубровникѣ *), когда мое особенное и великое счастье привело тебя, (Пресвѣтлый и Превысокій Господарь (т. е. Владиславичъ), въ этотъ городъ. Прежде твоего прибытія изъ Москвы въ мою родину, я никогда тебя не видѣлъ; тѣмъ не менѣе полагаясь на твою доброту и твое значеніе (что господинъ лахъ Бучичъ, мой пріятель—словно братъ, господинъ Франциск Градичъ, мой родной братъ и господинъ Иванъ Тудишевичъ, мой внукъ (по сестрѣ) часто говорили со мною о тебѣ съ великимъ уваженіемъ и съ великими похвалами, представляя мнѣ твою собственную крѣпость, природное совершенство, ради которыхъ Величество Московскаго царя украсило тебя особенными благородными почестями), я обращаюсь къ тебѣ съ просьбою приподнесть Величеству Московскаго Царя Петра I мою пѣснь».

Этого своего любимца (Московскаго Царя Петра I) онъ ставитъ выше всѣхъ существовавшихъ и существующихъ въ его время царей; онъ восхваляетъ его между прочимъ, такъ:

---

*) Въ подлинникѣ это мѣсто темно изложено; буквальный переводъ его «я не нашелъ пути».

Digitized by Google

«On krepostim desne svoie
Sve Moskovske vedre Zarre
Nadaleko priteko ie
Rimske i slavne sve Cessare.
Gliudska mudros, dake, niedna
I besieda snanne glave
Sadovoglit niie vriedna
Dostoianstvu take slave,
Slave, koia u svietlosti
Sve cetiri strane svieta
Slicna raiskoi cestitosti
Na sunciannom kollu oblieta,
Trubgliom tere plemenitom
Svuda, scto me sarze sgeli;
A s' pohvallom pricestitom
Bes pristanka glasi i veli:
«Sgivi slavni zarre u vieke,
Sgivi, neka rastu vechie
Tve kriposti privelike
I cestite tvoie srechie!
Nestorova sgivi litta,
Svegh dobitnik, nigda u vaiu,
Cini diella tva cestita,
Da dotusce tnrskom smaiu;
Neviernike pali i siezi,
Koi marse pravu istinu;
Cin, da svoie karvi u riezi
Sadusce se i poghinu.
Sgivi i cini, hoggia kleti
Da s' munara, vech, nevika,
Da se oborre sui mecetti
Karstianskoga protivnika!
Pravoviernu cias obrani
I gniu is robstva oslobodi,
Nek se vechma rasprostranni
I krepostim tvom rasplodi!

Digitized by Google

Sgivi srechian, cestit, slavan,
O Moskovski vedri zarre!
Bog ie udielit tebbi spravan
Viekuviecne ciasti i dare!
Nek na svietu i u raju
Slavno budesc stollovati,
I blasgeni ko sivaju,
Sc gnima pored budesc siatti».
(ркп. франц. дубров. библ.).

А нѣсколько выше (въ той же одѣ) онъ о Петрѣ I выражается такимъ образомъ:

«Er Moskovska mudra slava
Sviem se umie hitro oprieti,
I Petrova zarska glava
Svakoi silli odoglieti» [1]).
(ibid.),

Двѣ вышеупомянутыя оды Петру I современниковъ А. Глегевича служатъ подтвержденіемъ, что и онъ составилъ свой «Побѣдный Голосъ», подъ вліяніемъ распространившейся между южными славянами надежды на улучшеніе положенія славянскаго народа. Сверхъ того, онъ какъ добрый гражданинъ, заботящійся о славѣ своего роднаго города, не упустилъ изъ виду сдѣлать напоминаніе, что его соотечественники, пользующіяся свободнымъ положеніемъ, должны оказать свое участіе въ этомъ улучшеніи положенія Славянъ. Указавъ на добрыя качества славянскаго племени:

---

[1]) Чрезвычайно рѣзкій контрастъ этимъ строкамъ представляютъ строки, касающіяся Поляковъ:

(er) Pogliacke
Sve darsgiave stahu u smechi,
Ni desnize bi iunacke
Vriedne opriet se toj nesrechi».
(Plam. Sjev. (ib.),

когда говоритъ о возведеніи Шведскимъ королемъ Карломъ XII на полъ престолъ Станислава, вмѣсто Августа.

Digitized by Google

«Mi [1]) smo druscba plemenita,
Plod slovinske ljepe strane,
Priko svega slavni svita
Kros kriposti nasce isbrane.
Nam su od slave usrok bile
Bistra pamet, boina ruka,
Vedra pomoch, srechie mile,
Vriedno sarze, krepka odluka;
A nad sve ino glas neumarli,
Ki ciovieka vriedna cini,
Da s' hrabrenom misli harli,
Gdi nije stana nochnoj tmini.
Kros iunacko boino arvagne
Mi sliedismo krepos pravu,
A kreposno dielovagne
Nami donie viechu slavu. etc.
Er se krepos nasca ukasa
U orusciu od svieh iaccia,
Nechaiuch se od porasa
Osctrieh sabagl silnieh macia;
Niedne od sile, niedne od vlasti
Neimasmo viku straha,
Ni nas mosce vik pripasti
Tascta srechia, ni start plaha etc.
Mij sa istinu slavu stiechi,
Nesctediesmo nasce karvi;
Krepzi u boiu, snani u srechi,
Na sve trude vasda parvi;
Tim se pravo dice i resi
Nam slovinska semglia rodna;
Ka bi s' nami pod nebesi
Slavna, mirna i slobodna,

[1]) Т. е. Славяне.

Digitized by Google

Sad ie plesciu lavi i smije,
Otrovnoga puni ijeda;
I ciovieka u gnoi nije,
Da se u krepos nascu isgleda
(ibid.).

Указавъ затѣмъ на свободное положеніе своего Дубровника, онъ въ концѣ обращается къ нему съ требованіемъ потрудиться на общую (славянскую) пользу:

Ziech kreposti dobra obchiena
I sa viku ne umriti,
Boina diela i hrabrena
Sliede gliudi plemeniti;
Nu neumarlo dobit ime
Cioviek ne mosce, ki ne trudi.
(ibid.).

Реформаторъ въ дубровницкой драмѣ, толкователь славянской идеи въ смыслѣ объединенія славянъ, А. Глегевичъ не можетъ не занять самое видное мѣсто въ ряду дубровницкихъ поэтовъ.

Digitized by Google